

Евгений Николаевич Трубецкой

СМЫСЛ ЖИЗНИ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Е14

Евгений Николаевич Трубецкой
Е14 Смысл жизни / Евгений Николаевич Трубецкой – М.: Книга по Требованию, 2012. – 240 с.

ISBN 978-5-458-05672-4

Религиозно-философский труд, поводом которого «являются мучительные переживания мировой бессмыслицы, достигшие в наши дни необычайного напряжения». Здесь развиваются высказанные ранее мысли о смысле жизни. Книга включает разделы «О мировой бессмыслице и мировом смысле», «Теодицея» (богооправдание), «София», «Откровение божьего дня», «Грех и искупление», «Религиозный смысл человеческой мысли», «Всемирная катастрофа и всемирный смысл».

ISBN 978-5-458-05672-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ	III—IV
ВВЕДЕНІЕ	1— 18
I. Вопросъ о смыслѣ вообще и вопросъ о смыслѣ жизни	1— 3
II. Общезначимый и сверхвременный смыслъ, какъ искомое всякаго сознанія	3— 7
III. Истина, какъ актъ безусловнаго сознанія	7— 11
IV. Истина, какъ всеединая мысль и всеединое сознаніе	11— 18
ГЛАВА I. Міровая безсмыслица и міровой смыслъ	19— 64
I. Безсмыслица существованія	19— 30
II. Жизненная суета и требованіе смысла	30— 36
III. Споръ о жизненномъ пути	36— 44
IV. Міровой смыслъ	44— 50
V. Горизонтальная линія жизни и ея оправданіе	50— 55
VI. Вертикальная линія жизни и ея оправданіе	55— 59
VII. Оправданіе страданія	59— 64
ГЛАВА II. Теодицея	65— 98
I. Антиномія единого и другого какъ общій корень сомнѣній въ смыслъ міра. Противорѣчія дуалистическаго и монистическаго міропониманія	65— 69
II. Антиномія всеединого и другого передъ судомъ христіанскаго сознанія. Всеединство и временное бытіе	69— 75
III. Противорѣчіе въ мысли о міровой эволюціи и путь къ его рѣшенію	75— 79
IV. Вопросъ о злѣ. Свобода твари и идея вселенскаго дружелюбія	79— 88
V. Свобода твари и зло съ точки зрѣнія христіанской теодицеи	88— 93
VI. Свобода твари и адъ	93— 98
ГЛАВА III. Софія	99—124
I. Міръ и замыселъ Божій о мірѣ. Противъ гностическаго пониманія Софіи	99—104
II. Божественная идея и свобода твари	104—109
III. Міръ какъ относительное небытіе: его положительныя и отрицательныя потенціи	109—113
IV. Радуга какъ разрѣшеніе антиномія временнаго и вѣчнаго	113—119
V. Творческій актъ Бога въ вѣчности и творчество человѣческой свободы во времени	119—124
ГЛАВА IV. Откровеніе Божьяго дня	125—149
I. Явленіе Софіи въ твореніи. Свѣтъ	125—131
II. Всеединство въ строеніи космоса	131—133
III. День и ночь. Міръ растительный и животный	133—138
IV. День и ночь въ человѣкѣ	139—146
V. День Божій и явленіе Тріединства	147—149

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА V. Грѣхъ и искупленіе	150—169
I. Религіозныя сомнѣнія, исходящія изъ интуиціи всеобщности зла. Христіанское ученіе о грѣхопадѣніи	150—153
II. Первородный грѣхъ, смерть и грѣховная жизнь	154—157
III. Первородный грѣхъ и человѣческая свобода. Христосъ и Адамъ .	157—163
IV. Ученіе о Христѣ какъ ключъ къ разрѣшенію вопроса о чело- вѣческой свободѣ	163—169
ГЛАВА VI. Религіозный смыслъ человѣческой мысли .	171—200
I. Человѣческая мысль и откровеніе	171—177
II. Смертное и безсмертное въ человѣческой мысли	177—184
III. Онтологическія преліяствія къ Богопознанію и ихъ преодоленіе .	184—188
IV. Критерій апостола Іоанна	188—200
V. Откровеніе и судъ испытующей мысли	188—200
ГЛАВА VII. Всемирная катастрофа и всемірный смыслъ .	201—232
I. Вопросъ о смыслѣ жизни и катастрофа современной культуры .	201—208
II. Современный патріотизмъ и его искушеніе	208—212
III. Крушеніе мірскаго порядка и его положительный смыслъ	212—216
IV. Катастрофическія эпохи и «послѣдніе дни»	216—220
V. Конецъ—разрушеніе и конецъ—цѣль	220—223
VI. Смыслъ міра и относительныя цѣнности культуры	223—228
VII. Фаталистическое и христіанское пониманіе конца	228—232

СМЫСЛЪ ЖИЗНИ.

ВВЕДЕНИЕ.

I. Вопросъ о смыслѣ вообще, и вопросъ о смыслѣ жизни.

Попыткѣ отвѣтить на вопросъ о смыслѣ жизни должна предшествовать ясная и точная его постановка. Мы должны прежде всего сказать, что мы разумѣемъ подъ тѣмъ «смысломъ», о которомъ мы спрашиваемъ.

Спрашивать о смыслѣ — значитъ задаваться вопросомъ о *безусловномъ значеніи* чего-либо, т.-е. о такомъ мысленномъ значеніи, которое не зависитъ отъ чьего-либо субъективнаго усмотрѣнія, отъ произвола какой-либо индивидуальной мысли. — Спрашиваемъ ли мы о смыслѣ какого-либо непонятнаго намъ слова, о смыслѣ какого-либо нашего переживанія или цѣлой нашей жизни, вопросъ всегда ставится о всеобщемъ и безусловномъ значеніи чего-либо: рѣчь идетъ не о томъ, что значитъ данное слово или переживаніе для меня или для кого-либо другого, а о томъ, что оно *должно* значить для всѣхъ.

Такъ, понимаемый «с-мысль» есть логически необходимое предположеніе и искомое всякой мысли. — Основное заданіе логической мысли заключается въ томъ, чтобы не быть только субъективнымъ переживаніемъ. Поэтому всякая логическая мысль стремится утвердиться въ чемъ-то безусловномъ и всеобщемъ, что носить названіе истины или смысла. Мысль же только субъективная, которая не достигаетъ цѣли этого стремленія, мысль, неспособная стать общезначимою, отбрасывается всякимъ логически мыслящимъ, какъ *безмысленная*. Иначе говоря, «смысль» есть общезначимое мысленное содержаніе или, что то же, *общезначимая мысль*, которая составляетъ обязательное для всякой мысли искомое.

Нетрудно убѣдиться, что такъ понимаемый «смысль» представляетъ собою логически необходимое предположеніе не только всякой мысли, но и всякаго сознанія. Со-знанъ именно и значить — осмыслить, т.-е. отнести сознаваемое къ какому-нибудь объективному, общезначимому

смыслу. Пока я только *переживаю* тѣ или другія ощущенія, впечатлѣнія, эмоціи,—я еще не сознаю; *со-знаю* я только съ того момента, когда мысль моя, возвышаясь надъ воспринимаемымъ, относитъ его къ какому-либо общезначимому мысленному содержанію, утверждаемому какъ «смыслъ».

Положимъ, я сижу на берегу большой рѣки. Я вижу вдали что-то похожее на туманъ; потомъ впечатлѣніе проясняется, и я отчетливо воспринимаю какой-то дымокъ. Можетъ-быть, это—поднявшееся надъ рѣкой облако; можетъ-быть, это—дымъ отдаленной фабричной трубы или идущаго вдоль берега паровоза. Но вотъ дымокъ, казавшійся сначала неподвижнымъ, начинаетъ приближаться, слѣдуя извилинамъ рѣки; а вмѣстѣ съ тѣмъ мое ухо ясно начинаетъ различать усиливающееся по мѣрѣ приближенія шлепанье по водѣ. И вдругъ мнѣ окончательно становится яснымъ, несомнѣнный *смыслъ* всего воспринимаемаго, смыслъ, разомъ превращающій весь хаосъ моихъ воспріятій во единую, цѣлостную картину. *Это—пароходъ идетъ внизъ по теченію!* Все, что раньше мнѣ представлялось или казалось,—облако, дымъ фабрики или паровоза,—отбрасывается мною, какъ *только мое*, мнимое, психологическое. Я нашелъ *нѣчто сверхпсихологическое*, что больше всѣхъ моихъ ощущеній, переживаній, мыслей, общее *искомое* моихъ мыслей, которое ими предполагается и которое поэтому называется «с-мысломъ». Въ отличіе отъ всего того мнимаго, кажущагося, что я отбросилъ, это мысленное содержаніе, сознаваемое мною какъ смыслъ, утверждается мною какъ *обще-обязательное*. Разъ для меня ясно, что я вижу и слышу пароходъ, идущій противъ теченія, я требую, чтобы и всѣ признавали то же самое. То же самое мысленное содержаніе должно выразить «с-мысль» переживаній и воспріятій другихъ людей, которые тутъ же рядомъ со мною смотрятъ вдалѣ въ томъ же направленіи и слушаютъ.

Такое же значеніе вопроса о «смыслѣ» можетъ быть показано на любомъ конкретномъ примѣрѣ.—Это—всегда вопросъ объ общезначимомъ мысленномъ опредѣленіи чего-либо, о безусловномъ значеніи для мысли чего-либо познаваемаго или просто сознаваемаго. Въ этомъ значеніи слова «смысломъ» должно обладать все, что мы сознаемъ, ибо «сознать» именно и значить облечь что-либо въ форму общезначимой мысли. Все то, что не поддается такому выраженію,—тѣмъ самымъ находится за предѣлами возможнаго сознанія.

Подъ «смысломъ», такимъ образомъ, всегда подразумѣвается общезначимая мысль о чемъ-либо, и въ этомъ значеніи смысломъ обладаетъ рѣшительно все, что можетъ быть выражено въ мысли безъ различія цѣннаго и нецѣннаго. Такъ понимаемый «смыслъ» можетъ выразиться какъ въ положительной, такъ и въ отрицательной оцѣнкѣ любого предмета нашего познанія, ибо отрицательная оцѣнка совершенно такъ же, какъ и оцѣнка положительная, можетъ быть облечена въ форму обще-

значимой мысли. Мы можем говорить о хорошем, дурном или о безразличном по отношеніи къ добру и злу «смыслъ» того или другого дѣянія или факта,—всѣ эти изреченія одинаково могутъ входить въ полномъ соответствіи со словомъ «смыслъ» въ широкомъ его значеніи.

Но кромѣ этого *общаго* значенія общезначимой мысли, слово «смыслъ» имѣетъ еще другое, специфическое значеніе *положительной и общезначимой цѣнности*, и именно въ этомъ значеніи оно понимается, когда ставится вопросъ о смыслѣ жизни. Тутъ рѣчь идетъ, очевидно, не о томъ, можетъ ли жизнь (какова бы ни была ея цѣнность) быть выражена въ терминахъ общезначимой мысли, а о томъ — *стоитъ ли жить*, обладаетъ ли жизнь положительной *цѣнностью*, притомъ цѣнностью *всеобщей и безусловной*, цѣнностью обязательной для каждаго. Такая цѣнность, въ качествѣ всеобщей, допускаетъ общезначимое мысленное выраженіе; и, стало-быть, *тѣсное*, специфическое значеніе слова «смыслъ» въ данномъ случаѣ не отмѣняетъ, а дополняетъ *общее* его значеніе. Искомымъ тутъ, какъ и во всѣхъ вопросахъ о «смыслѣ», является общезначимая мысль, но при этомъ, — *общезначимая мысль о цѣнности*. Намъ предстоитъ прежде всего рассмотреть, какими данными мы располагаемъ для рѣшенія этой задачи.

II. Общезначимый и сверхвременный смыслъ, какъ искомое всякаго сознанія.

Чтобы искомое нами сознаніе смысла жизни было яснымъ и глубокимъ, мы должны сначала отдать себѣ отчетъ въ необходимыхъ предположеніяхъ всякаго сознанія.

Съ одной стороны, матеріаломъ нашего сознанія служатъ разнообразныя психологическія переживанія — ощущенія, впечатлѣнія, чувствованія. Съ другой стороны, какъ уже было выяснено, *самый актъ сознанія* выражается въ отнесеніи всего этого психологическаго матеріала къ чему-то общезначимому и постольку — *сверхпсихологическому* — къ *смыслу*. Этотъ сверхпсихологическій смыслъ и есть основное необходимое предположеніе всякаго сознанія какъ такого. Раньше всякаго конкретнаго сознанія, раньше всякаго усилія, которое я дѣлаю, чтобы сознать что-либо, я предполагаю, что тѣ переживанія, которыя я стремлюсь осознать, имѣютъ какой-то объективный *с-мыслъ* и постольку могутъ быть выражены въ формѣ *общезначимой мысли*.

Всякій актъ моего сознанія предполагаетъ какъ свое искомое, мысль дѣйствительную за предѣлами всякаго субъективнаго мышленія, содержаніе сознанія, дѣйствительное за предѣлами всякаго индивидуальнаго, психологическаго сознанія.

Или есть эта общезначимая мысль, или все наше мышленіе — сплошная иллюзія. Или всякое сознаніе есть бредъ, обманъ, или же есть

какое - то сверхиндивидуальное, сверхпсихологическое содержаніе сознанія, которое составляет подлинный его смыслъ. Самое слово сознаніе (con-scientia) означаетъ нѣкоторый сложный актъ духа, въ которомъ психическое переживаніе восполняется чѣмъ-то со-знаваемымъ. Это что-то и есть сверхпсихическій элементъ сознанія, его объективный смыслъ, къ которому я отношу мои психическія переживанія.

Надо разъ навсегда отрѣшиться отъ той ложной психологической теоріи, которая утверждаетъ, будто въ сознаніи мы имѣемъ дѣло только съ состояніемъ нашей психики. Если бы это было вѣрно,—у насъ не было бы сознанія. Если бы вся моя духовная жизнь исчерпывалась измѣнчивыми психическими состояніями, я не могъ бы возвышаться надъ ними; иначе говоря, я не могъ бы со-знавать ихъ. Сознаніе наше—больше всѣхъ своихъ измѣнчивыхъ состояній именно потому, что оно на самомъ дѣлѣ *поднимается* надъ ними и относитъ ихъ къ чему-то сверхпсихическому, что носитъ названіе «смысла».

Присмотримся внимательно къ сущности этого сверхпсихическаго элемента сознанія, и мы ясно увидимъ, въ чемъ его отличіе отъ «состояній сознанія». Одно его свойство—*всеобщность*, уже было указано раньше: смотрящіе вдаль на берегу рѣки несомнѣнно видятъ и переживаютъ эту даль по разному: между ними могутъ быть дальнозоркіе, близорукіе, дальтонисты, люди съ тонкимъ слухомъ или глухіе; стало-быть, «состоянія сознанія» у нихъ—различныя. И тѣмъ не менѣе смыслъ ихъ переживаній—*«пароходъ идетъ внизъ по теченію»*—одинъ и тотъ же. Онъ обладаетъ свойствомъ *всеобщности* и *безусловности*, онъ обязателенъ для каждаго.

Къ этому присоединяется другая существенная особенность «смысла». Въ отличіе отъ «состояній сознанія», измѣнчивыхъ и текучихъ, *смыслъ по существу неизмѣненъ и неподвиженъ*. Въ «состояніяхъ сознанія» наблюдателей на берегу рѣки въ выше приведенномъ примѣрѣ каждый мигъ отличается отъ всѣхъ предыдущихъ и послѣдующихъ. Нарастаетъ дымъ, то бѣловатый, то черный, нарастаютъ и мѣняются звуки; судно, плывущее и приближающееся, то скрывается за лѣсистыми линіями извилистыхъ береговъ, то вновь показывается. Но, какъ бы ни мѣнялась картина, ея общій смыслъ—*«пароходъ идетъ внизъ по теченію»*—остаётся одинъ и тотъ же; какъ бы ни была измѣнчива картина или событіе, которое мы наблюдаемъ, смыслъ наблюдаемаго всегда *сверхвремененъ*, всегда облеченъ въ *форму вѣчности*. Вышеописанная картина можетъ отойти въ далекое прошлое, смыслъ ея отъ этого не мѣняется; все равно, видѣнное мною и другими на берегу рѣки и по прошествіи безконечной серіи лѣтъ будетъ означать то же самое—*«пароходъ идетъ внизъ по теченію»*. Неизмѣненъ, конечно, не самый фактъ, *неизмѣнна истина, выражающая смыслъ этого факта*; и, какимъ бы текучимъ и преходя-

щимъ ни былъ тотъ или другой фактъ, у него всегда есть свой неизмѣнный смыслъ, или, что то же, своя—неизмѣнная истина.

Мы уже говорили, что безъ отнесенія къ смыслу нѣтъ сознанія, что со-знать—значить осмыслить.—Теперь мы видимъ, что сознать—значить—подняться надъ временемъ, мало того,—поднять на сверхвременную высоту сознаваемое, какимъ бы текучимъ и преходящимъ оно ни было. Общий законъ всего, что во времени, выражается извѣстнымъ изреченіемъ Гераклита—«все течетъ». Едва мы назвали вещь, какъ она уже измѣнилась, и какъ будто утратила свое тождество. На этомъ основаніи, какъ извѣстно, послѣдователи и продолжатели Гераклита признавали невозможнымъ произносить о вещахъ какія-либо сужденія: ибо, разъ нѣтъ неизмѣннаго, тождественнаго съ собою подлежащаго, всякое ска-зуемое о такомъ подлежащемъ тотчасъ по произнесеніи или даже въ самый моментъ произнесенія должно оказаться ложью, такъ какъ подлежащее уже измѣнилось. Заблужденіе этого построеннаго на ученіи Гераклита софизма заключается въ смѣшеніи факта и его смысла; именно отсюда выводится ошибочное заключеніе, будто измѣнчивость факта исключаетъ неизмѣнность его смысла или неизмѣнность истины объ этомъ фактѣ. На самомъ дѣлѣ—какъ бы ни былъ измѣнчивъ фактъ—эта измѣнчивость не исключаетъ возможности сужденій о немъ, потому что сужденія относятся къ сверхвременному смыслу измѣнчиваго. По Гераклиту нельзя дважды искупаться въ одной и той же рѣкѣ, потому что та рѣка, въ которой я купался раньше, уже протекла, и черезъ секунду мы имѣемъ уже не ту прежнюю, а другую рѣку. Точнѣе говоря, нельзя даже искупаться въ одной и той же рѣкѣ *однажды*: ибо рѣка не остается ни одной секунды одной и той же: того пребывающаго сущаго, которое мы называемъ рѣкою, вообще нѣтъ вовсе. Ошибка этого Гераклитова разсужденія заключается въ томъ, что слово «рѣка» выражаетъ собою не какія-либо уносимыя теченіемъ капли, струи или измѣнчивыя состоянія, а нѣкоторый неизмѣнный смыслъ всей этой текучей серіи состояній. Рѣка остается рѣкой, какія бы струи въ ней ни протекали и въ какія бы цвѣта въ зависимости отъ погоды и времени дня эти струи ни окрашивались. Ибо это слово—«рѣка», выражаетъ собою что-то отвоеванное сознаніемъ у времени, нѣкоторый непреходящій и неизмѣнный «смыслъ» чего-то текущаго.

— Это же различіе текущей дѣйствительности отъ ея смысла даетъ намъ ключъ къ разрѣшенію другого знаменитаго софизма древности, касающагося проблемы движенія. Элеецъ Зенонъ, какъ извѣстно, отрицалъ реальность движенія и въ доказательство указывалъ на невозможность помыслить движеніе безъ противорѣчій. Если мы попытаемся, напримѣръ, выразить въ терминахъ мысли движеніе летящей стрѣлы, то мы должны мыслить ее за разъ и движущейся и покоящейся: она должна и двигаться и вмѣстѣ съ тѣмъ пребывать въ каждой точкѣ, черезъ которую

она проходить. Но если она движется, то она ни въ какой точкѣ не можетъ пребывать; если же она гдѣ-либо пребываетъ, то она не движется.

Видимость противорѣчія объясняется именно указаннымъ выше смѣшеніемъ *реальнаго процесса*, который представляетъ собою непрерывное измѣненіе и *неподвижнаго смысла* этого процесса. Въ картинѣ летящей стрѣлы есть несомнѣнно сочетаніе движенія и покоя, но нѣтъ того внутреннего логическаго противорѣчія, которое смущаетъ Зенона, ибо предикаты «движеніе» и «покой» тутъ относятся къ различнымъ субъектамъ. Движеніе стрѣлы не прерывается покоемъ ни въ одной точкѣ и совершается непрерывно. Но мысль, судящая объ этомъ движеніи и воспроизводящая линію полета стрѣлы, покоится какъ во всей этой линіи въ ея цѣломъ, такъ и въ каждой отдѣльной ея точкѣ: ибо для этой мысли всѣ эти точки связываются общимъ *неизмѣннымъ* смысломъ, который выражается словомъ «движеніе». Какъ бы ни было измѣнчиво то, о чемъ мы мыслимъ, истина объ этомъ мѣняющемся—неизмѣнна; и мыслить ее—значить и для насъ приобщаться мыслью къ вѣчному покою.—Движеніе есть сплошное, непрерывное измѣненіе, но вѣченъ и неподвиженъ тотъ смыслъ, въ которомъ мы его осознаемъ. Подъ даннымъ опредѣленнымъ движеніемъ разумѣется всегда одно и то же, при чемъ между этой неподвижностью смысла и подвижностью того, что имъ выражается, нѣтъ никакого противорѣчія.

Ошибка Зенона нерѣдко повторяется и въ наши дни. Еще недавно Бергсонъ, не замѣтившій этой ошибки, вывелъ изъ приведенной только что аргументаціи древняго философа заключеніе, будто наша мысль, оперирующая *неподвижными* общими понятіями, потому самому не въ состояніи возсоздать непрерывности реальнаго процесса, реальнаго движенія.—Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ.—Мы отдаемъ себѣ ясный отчетъ въ *непрерывности* реальнаго процесса.—И эта мысль о непрерывности движенія доступна нашему уму именно вслѣдствіе того, что для него всѣ точки движенія и всѣ моменты времени, въ теченіе коего оно совершается, связаны въ интуиціи смысла сверхвременнаго и потому не могущаго быть прерваннымъ во времени. Если бы мы могли мыслить всѣ моменты движенія не иначе, какъ одинъ за другимъ, и не были бы въ состояніи мыслить ихъ *за разъ*, въ единый мигъ, то мы не могли бы и связать этихъ моментовъ и этихъ точекъ въ одно непрерывное цѣлое: тогда движеніе прерывалось бы для насъ въ каждой мыслимой нами его точкѣ. Иначе говоря, въ этомъ случаѣ для насъ не было бы самаго перехода отъ точки къ точкѣ, т.-е. самаго движенія.—Ясно, стало-быть, что понятіе непрерывности становится намъ доступнымъ именно въ силу способности нашей мысли подняться надъ временемъ и мыслить какъ одно цѣлое какъ то, что въ немъ уже протекло, такъ и то, что протекаетъ и то, что еще не наступило; вообще всякій синтезъ